УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-24-34

ЛЕНИН И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Шульц Э. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Целью статьи является выявление особенностей государственной модели России в теоретических воззрениях Ленина на постреволюционное развитие страны.

Процедура и методы исследования. Автором проанализированы работы В. И. Ленина и К. Маркса для определения расхождений и преемственности, рассмотрены идеи и модели экономического и политического развития той эпохи как в теоретическом русле, так и в практическом.

Результаты проведенного исследования. Ленин использовал существующие в Европе и достаточно популярные идеи развития в экономике и политической сфере и создал оригинальную модель государства. Русская революция, благодаря Ленину, стала первой революцией, в которой так ярко проявились идеи модернизации по западному образцу и построения самого прогрессивного строя путем перепрыгивания через этапы развития, с целью догнать и обогнать передовые капиталистические страны. При этом, имея ориентиром западный образец, огромное количество национальных и культурно-исторических особенностей Русской революции сделали ее образцом для подражания в большинстве революций XX в., превратили ее в новую модернизационную модель.

Теоретическая/практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при преподавании курса отечественной истории.

Ключевые слова: марксизм, В. И. Ленин, Русская революция, теория революции, концепция модернизации

LENIN AND CHARACTERISTIC FEATURES OF THE RUSSIAN REVOLUTION

E. Shults*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To identify the specific features of the Russian state model in Lenin's theoretical views on the post-revolutionary development of the country.

Methodology. In order to determine the contradiction and consistency of the works of Lenin and Marx, the author analyzed the ideas of that era and examined the models of the economic and political development, both theoretically and in practical terms.

Results. The analysis showed that Lenin created an original state model relying on the ideas of developing the economic and political sphere, which were popular in Europe at that time. Thanks to Lenin, the Russian revolution was the first revolution, which attempted to realize the ideas of modernization according to the Western model and to construct the most progressive system by jumping over the stages of development in order to catch up and overtake the advanced capitalist

economies. At the same time, although being created according to the Western model, the Russian revolution was characterized by numerous national, cultural and historical features. These specific features made the Russian revolution a role model for most revolutions of the 20th century and a new modernization model.

Research implications. The results of the study can be used in teaching national history courses.

Keywords: theory of revolution, modernization in revolution, modernization theory, consequences of revolutions

Введение и постановка проблемы

Статья посвящена определению в теоретических воззрениях Ленина особенностей государственной модели России для постреволюционного развития страны. Тема представляет высокую степень актуальности в связи с ростом интереса в исследовательской и общественной мысли к проблемам Русской революции и постреволюционного развития страны, что обусловлено настоятельной необходимостью понять и дать объяснение этому этапу Российской истории, особенно в свете 100-летнего юбилея самой революции и 150-летнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина.

В рамках данной статьи мы рассмотрим вопросы, которые имеют большой отклик в научной литературе, но вызывают острые дискуссии: 1) искажены ли у Ленина идеи Маркса; 2) пролетарская революция, согласно теории Маркса, не могла произойти в России. Поясним последний тезис: в России уже случилась революция ее уровня – Февральская буржуазная (и даже – буржуазно-демократическая), поэтому новый переворот 25 октября 1917 г. сделал революцию какой-то не такой и повел страну по неправильному пути. Интересно, что данную логику часто разделяют представители абсолютно противоположных лагерей: и марксисты, и антимарксисты [13, с. 5–6, 317–323, 325–335].

Спорить о том, что только октябрьский этап Русской революции сделал эту революцию великой, не имеет смысла: именно преобразования большевиков были самыми радикальными и принципиально изменили политический строй, социальную структуру, экономику и

культуру российского общества, и именно эти изменения позволили создать мировую сверхдержаву (государство, не прибегая к акценту на его международной, военной и экономической силе, на протяжении определенного периода с самой передовой социальной сферой и национальным законодательством даже в сравнении с самыми развитыми странами).

Историческая действительность и задача ускоренной модернизации страны действительно определили ряд характерных особенностей Русской революции. Но сохраняется вопрос, насколько пути, которые выбирал Ленин, были ошибочными и нелогичными?

«Ленин искажил Маркса»

Остановимся на этом утверждении – Ленин искажил идеи Маркса, предал Маркса в понимании революции – мнению, популярном среди современников Русской революции и исследователей [5, с. 16; 8, с. 939; 17, р. 8].

Да, Маркс считал, что пролетарская революция победит тогда, когда промышленный пролетариат будет представлять «значительное место в народной массе»¹, но при этом Маркс называл пролетарскими революцию во Франции 1848–49 гг. и одновременные ей события в Германских землях, а также Парижскую коммуну 1871 г.², когда промышленный

¹ Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 612.

² Его же. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 114–115; Его же. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17.

пролетариат мог претендовать на роль значительной социальной группы только в границах нескольких крупных городов, но никак не всей Франции или Германии. Маркс рассматривал возможность прогрессивного скачка через революцию. Представления Маркса о том, как должна осуществляться такая революция и как будет выглядеть общество после нее, строились на примерах этих несостоявшихся попыток, причем, что естественно, эти представления были весьма фрагментарны и утопичны. Но главное здесь не то, следовал ли Ленин дословно «указаниям Маркса». От Ленина оппоненты требовали следовать догме – чему-то раз и навсегда устоявшемуся, превращенному в священный текст для поклонений, – Ленин же следовал принципам Маркса в диалектике и приспособлял его учение к конкретной обстановке и требованиям момента.

Увлекаясь борьбой идей в оценке Русской революции, необходимо понимать, что это проблема идеологии и общественной мысли. Одна сторона тогда верила в далекую пролетарскую революцию (эсеры и меньшевики) и самый справедливый строй, который она когда-нибудь обязательно принесет, другая (большевики) – понимала, что поднять в начале XX в. массы на революцию, увлекая их перспективой сделать такую же революцию, как во Франции более столетия назад, было делом нереальным, тем более сложно обосновать новый этап и большевистский переворот, если требуемая временем революция уже произошла в феврале.

Споры о революции в России крутились вокруг достаточной зрелости и незрелости условий для пролетарской революции. Эсеры и большевики считали, что профессиональные революционеры могут содействовать ускорению револю-

ции и направлению масс, меньшевики настаивали на ожидании вызревания условий. Русский теоретик марксизма Г. В. Плеханов убеждал, что социализм не построить на бунтарстве, насилии сверху и патриархальном коллективизме снизу [7, с. 225].

Маркс считал возможной революцию в России, несмотря на ее отсталость в сравнении с европейскими странами¹. В том числе идеи «перепрыгивания», реализации более прогрессивных этапов революций уже присутствовали у Маркса. Например, оценивая революции 1848–49 гг. в раздробленной имперской Германии, которая не знала буржуазной революции, Маркс полагал, что эти революции решали устаревшие задачи и переросли сами себя². Так что Ленин имел полные основания предполагать возможность в России – отсталой с точки зрения развития капитализма стране – прогрессивной пролетарской революции.

На утверждение, что Россия не выросла до социализма, в ней нет для этого объективных экономических предпосылок, Ленин отвечал: почему нельзя начать с завоевания через революцию предпосылок для этого необходимого уровня, а затем, опираясь на рабоче-крестьянскую власть и советский строй, двинуться догонять другие народы³. Ленин соглашался с критиками, что большевики готовят проводить реформы в недостаточно культурной стране, что политический и социальный переворот предшествовал необходимому культурному, но эти перевороты привели к тому, что Россия теперь стоит перед лицом культурной революции⁴.

Для того чтобы понимать мышление и поведение революционеров в 1917–

С. 339, 347, 366; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 435; Его же. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 378.

¹ Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 701.

² Его же. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 115.

³ Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 45. С. 380–381.

⁴ Его же. О кооперации // ПСС. Т. 45. С. 377.

1919 гг. (не только русских, но и венгерских, немецких и др.), необходимо во многом принимать в расчет фактор мировой революции.

Вожди «Октябрьской революции» считали, что «социалистическая революция» не может победить в изолированной России, но она своим началом и размахом должна вызвать «мировой революционный пожар». Задачу партии они видели в захвате власти, объявлении победы пролетарской революции в первой стране и удержании власти на срок, достаточный для того, чтобы спровоцировать «пожар» в развитых странах, которые придут на помощь новой России¹. В сентябре 1917 г. Ленин с уверенностью писал о кануне мировой революции, «признаки которой наблюдаются буквально во всем»². Ленин отчаянно ждал революции в Германии. Ждал весь 1918 и 1919 гг. Согласно его убежденности революция в России должна только подтолкнуть мировой пролетариат, особенно в Германии, на которую Ленин рассчитывал с точки зрения индустриального развития. Россия – страна аграрная и слабо развитая в промышленном отношении, поэтому объединение промышленности Германии и сельского хозяйства России смогли бы дать полноценную социалистическую общность. Ленин свято верил в победу революции в Германии и повторял как мантру: «Революция безусловно идет и неминуема»³. Казалось, что этой надежде суждено было сбыться, но попытки исторических решений по русскому образцу в Германии и Венгрии провалились.

После поражения европейской революционной волны и победы большевиков в Гражданской войне дела государственных стали отодвигать расчеты на мировую революцию на второй и третий

план. Необходимо было восстанавливать международное положение страны и поднимать экономику: концессии, переговоры с иностранцами о восстановлении производства, продажа собственности за рубеж, перепродажа европейских товаров и т. д. теперь могли проводиться в ущерб коммунистическому движению в разных странах⁴.

У Маркса абсолютно отсутствовало представление о том, как будет жить мир при коммунизме: он оставил лишь некоторые замечания, ставя в пример опыт Парижской коммуны [14]. Следует отметить, что революционная Россия попыталась воплотить на деле эти замечания. В России по образцу Парижской коммуны, как завещал Маркс⁵, была проведена советизация всей страны от большого города до деревни. Идеи Маркса о дешевом правительстве, о перестройке армии и создании народной милиции⁶, попытались воплотить в жизнь, но жизнь оказалась сильнее фантазий. Даже самые утопические высказывания Маркса, например, об отмене семьи и общности жен⁷, нашли отражение и в быту, и в законодательстве (только в 1930-е гг. был законодательно возвращен статус института семьи).

Ленин признавал экономическую отсталость России и замедленный характер развития страны⁸: «Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть очень короткое, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира. Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосред-

¹ Его же. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // ПСС. Т. 31. С. 93.

² Его же. Кризис назрел // ПСС. Т. 34. С. 272–283.

³ Ленин В. И. Письмо Я. М. Свердлову, Л. Д. Троцкому, 1.X. 1918 // ПСС. Т. 50. С. 185; Его же. Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г. // ПСС. Т. 37. С. 170.

⁴ Его же. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: Политиздат, 2000. С. 437, 439–440, 444, 447–448.

⁵ Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. С. 343, 345, 366.

⁶ Там же. С. 339–345.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 443, 444.

⁸ Ленин В. И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // ПСС. Т. 31. С. 91, 93.

ственно в ней не может победить тотчас социализм»¹.

При этом для того, чтобы подвести экономическую базу под пролетарскую революцию, чего требовал марксистский подход, идеологи шли различными путями. Так, например, Троцкий использовал следующий ход. Он утверждал, что «в то время как крестьянское земледелие, в главной массе своей, оставалось до самой революции чуть ли не на уровне XVII столетия, промышленность России, по своей технике и капиталистической структуре, стояла на уровне передовых стран, а в некоторых отношениях даже опережала их» [9, с. 39]. Этот уровень определялся количеством рабочих на крупных предприятиях и их концентрацией. «При приблизительно одинаковом удельном весе средних и крупных предприятий, в 100 – 1000 рабочих, предприятия-гиганты, свыше 1000 рабочих каждое, занимали в С. Штатах 17,8% общего числа рабочих, а в России – 41,4%! Для важнейших промышленных районов последний процент еще выше: для петроградского – 44,4%, для московского – даже 57,3%. Подобные же результаты получатся, если сравним русскую промышленность с британской или германской. Этот факт, впервые установленный нами в 1908 г., трудно укладывается в банальное представление об экономической отсталости России. А между тем он не опровергает отсталости, а лишь диалектически дополняет ее» [9, с. 39–40]. Другой путь был связан с подсчетом количества стачек и бастующих, которые, в связи с неоднократным участием одних и тех же людей в них, давали впечатляющие цифры² [9, с. 60].

«Страна зашла не туда»

Постреволюционная программа Ленина (когда надежды на мировую революцию не оправдались) стала опираться

на идею догнать в экономическом развитии ведущие мировые державы, что не только улучшит жизнь собственных граждан, но и приблизит страну к необходимым условиям перехода к коммунизму, а также продемонстрирует всему миру путь к пролетарской революции и новой формации. И здесь от расплывчатых описаний Маркса пришлось переходить к конкретным социально-экономическим планам.

Позволим себе остановиться подробнее на выводах Пола Грегори, настаивающего, что Россия накануне I Мировой войны стояла на уровне основных экономических держав, занимая четвертое место среди пяти крупнейших развитых стран. Грегори утверждает, что экономика России принадлежала к группе наиболее быстро развивающихся стран, была хорошо интегрирована в мировую экономику, и уровень ее роста был относительно высоким [20, р. 192–194].

Экономический потенциал России, по мнению Грегори, концентрировался в аграрном секторе, но и промышленное развитие выглядело вполне успешно [3, с. 20–21]; предвоенную Россию отличали финансовая стабильность государства и рост иностранных инвестиций [3, с. 38, 42]. Реальная заработная плата в сельском хозяйстве росла [3, с. 37], «производство и потребление сельскохозяйственной продукции с начала 1880-х гг. до 1905 г. росли быстрее, чем сельское население» [3, с. 54].

П. Грегори, подчеркивает, что российская экономика росла на уровне британской, германской, норвежской и итальянской, но заметно медленнее, чем экономика США, Канады, Австралии, Японии, Швеции и Дании [3, с. 25]. Единственным фактором, по мнению Грегори, помешавшим России стать одной из ведущих экономических держав мира, был исключительно низкий уровень подушевого дохода [3, с. 20–21]. В чем Россия разительно уступала развитым странам, считает П. Грегори, так это в уровне до-

¹ Там же. С. 91.

² Ленин В. И. О статистике стачек в России // ПСС. Т. 19. С. 379–385; Его же. Уроки революции // ПСС. Т. 19. С. 421.

хода на душу населения: 1/3 от состояния Франции, 1/4 – от Германии, 1/5 – от Великобритании, 12% – от уровня США [20, p. 194].

И здесь мы наталкиваемся на тот факт, что ничего нового с точки зрения цифр мы не получаем. Эти же данные использовались и в советской статистике и науке. К тому, что национальный доход на душу населения в России в 1913 г. уступал Германии в 2,9 раза, Франции – в 3,5 раза, Англии – в 4,3 раза, США – в 6,8 раза [4, с. 348], следует добавить и еще один весьма значимый показатель: по объему промышленного производства в 1913 г. Россия уступала Франции – в 2,5 раза, Англии – в 4,6 раза, Германии – в 6 раз, США – в 14,3 раза [4, с. 288].

И вот эти цифры говорят о том, что успешность и благополучие российской экономики на 1913 г. – это иллюзия. Разрыв с ведущими странами был непреодолим, даже если сократить отставание в уровне промышленного развития представлялось невозможным. Отсюда и рождались вопросы о методах и путях преодоления отсталости желательны за короткий исторический промежуток времени.

Обратим внимание и еще на одну важную группу фактов. П. Грегори вынужденно соглашается, что наиболее серьезной проблемой России была ее неспособность снизить уровень детской смертности, однако отмечает, что высокие темпы смертности на фоне высоких темпов рождаемости давали в общем демографические изменения, которые незначительно отличались от средних европейских показателей [3, с. 23]. Это действительно так, но, во-первых, этот сверхвысокий уровень рождаемости стал временным всплеском и не мог длиться долго, а во-вторых, демографические цифры выглядели удручающе. Так, младенческая смертность в 1906–1910 гг. в России составляла – 247 на тысячу родившихся, во Франции – 128, в Германии – 174, в Англии – 117, в США – 121 на тысячу человек. Продолжительность жизни в 1907–10 гг. у православного

населения России – 32 года для мужчин, 34 года для женщин; во Франции – 47 и 50 лет, в Германии – 46 и 49 лет, в Англии – 50 и 53 года, в США – 49 и 52 года соответственно [1, с. 13]. Разрыв с ведущими мировыми державами выглядел просто катастрофическим.

Итак, во-первых, Россия генерировала большую часть своего валового продукта в аграрном секторе, что и создавало экономическую отсталость, которая в индустриальных возможностях страны очень болезненно проявилась в ходе Первой мировой войны. Во-вторых, Россия отставала в экономическом плане только от стран, где революции уже произошли (за исключением на тот момент Германии, чей особый путь развития вывел ее в ранг лидирующих стран). Это в том числе давало основания полагать части революционеров (Ленину), что революция позволит сделать экономический скачок, такой же, какой можно было бы приписывать развитым постреволюционным странам, а возможно, за счет более направленного движения, даже и более быстрый прорыв в развитии. А задача догнать ведущие страны по уровню промышленного производства вполне осознавалась в стране, и в стане революционеров, и среди интеллигенции. Более высокий промышленный уровень должен был обеспечить повышенные возможности государства, подъем уровня благосостояния населения, улучшение медицинского обслуживания и образования, совершенствование материально-технической базы сельского хозяйства и т. д.

Гар Офер в своем исследовании советской экономики делает справедливое замечание: «Для стран, позже начавших промышленное развитие, характерно два источника напряженности. Во-первых, это желание быстро уменьшить разрыв в доходах по отношению с наиболее развитыми странами. Во-вторых, худшие стартовые условия для роста, чем были у развитых стран, что порождает стремление к более решительным и радикальным

шагам во всех сферах, к выбору иных путей развития» [22, р. 3].

Теперь обратимся к экономическим моделям развития, которые представляли интерес для начала XX в. И здесь сразу же обращает на себя внимание модель немецкого государственного монополизма, которая в короткие сроки вывела Германию в ведущие государства Европы.

Немецкая модель отличалась особо большой ролью государства в экономике, и это позволяло усилить мобилизационные ресурсы и обеспечить быстрый подъем страны. В России элементы такого регулирования использовались до Первой мировой войны, а в ее годы были усилены, революция же фактически завершила переход к крайней форме государственного капитализма [2, с. 32; 12, с. 209].

Ленин уделил особое внимание проблемам государственно-монополистического капитализма при разработке теории империализма, как высшей стадии капитализма. Кроме того, он отмечал, что мировая война ускорила переход к государственно-монополистическому капитализму во всех развитых капиталистических странах¹.

Современные исследования только подтверждают выводы Ленина. Так, ведущий британский историк Э. Хобсбаум констатирует, что «уже в 1913 году капиталистическая экономика быстрыми темпами двигалась к созданию системы крупных корпораций, поддерживаемых, опекаемых и даже до известной степени руководимых правительствами» [12, с. 209]. Один из крупнейших историков-экономистов Германии Вольфрам Фишер пришел к выводам, что в период I Мировой войны мы сталкиваемся с новым качественным уровнем вмешательства государства в экономическую жизнь: государство берет на себя все больше функций в контроле производства и регулировании трудовых отношений. Причем этот процесс не утихает

даже в развитых странах в период между двумя мировыми войнами: «во многих странах Европы государство осуществляло прямое, массированное вмешательство в повседневную экономическую жизнь» [10, с. 263]. Избежать процессов усиления государственного нормирования смогли только Скандинавские страны, Швейцария и Нидерланды [10, с. 283]. Даже в США – стране самой либеральной экономики – в период Великой депрессии, считает американский историк и экономист Роберт Хиггс, получили второе рождение многие государственные программы, действовавшие в период I Мировой войны [11, с. 344–345].

Теперь о политической системе. В первой трети XX в. демократия переживала не лучшие времена, будучи дискредитирована коррупцией, плутократией и демагогией. Демократию критиковали с точки зрения классовой ограниченности (левые), с позиций осуждения власти «безумной толпы» и неразумного большинства (правые и центристы). Неутешительный диагноз, что демократическая власть не в состоянии быть эффективной в современном обществе, западным демократиям вынесла большая часть европейской интеллигенции [6, с. 206–207]. Отсюда логически вытекал поиск идей более эффективных форм государства и политической системы.

Для Ленина демократия – это «одна из форм буржуазного государства»². Демократические институты и буржуазные свободы он считал «фетишами мещанской демократии»³. Ленин уверен в невозможности настоящей демократии в буржуазном обществе, так как «эксплуататор не может быть равен эксплуатируемому»⁴.

² Ленин В. И. Заключительное слово по докладу Совета Народных комиссаров 12 (25) января. Третий Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 (23–31) января 1918 г. // ПСС. Т. 35. С. 280.

³ Его же. Новые времена, старые ошибки в новом виде // ПСС. Т. 44. С. 102.

⁴ Его же. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС. Т. 37. С. 262.

¹ Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // ПСС. Т. 33. С. 3.

Для Ленина есть демократия для бедных и демократия для богатых, и нет демократии в обществе, разделенном на классы. Так, демократия для рабовладельцев в античном обществе не распространялась на рабов¹.

Ленин был уверен, что демократия должна рассматриваться не как тот строй, который царит на западе, и в котором, в сущности «голоса народа» практически нет, и не как абстрактная система народовластия, а как система, служащая интересам трудового народа. При этом права и свободы каждого индивидуума в этой системе должны подчиняться классовым интересам². Ленин считал глупостью равные избирательные права для рабочих и крестьян и для представителей классов-эксплуататоров.

Реакцией на недостатки демократии стали авторитарное правление, однопартийная система, различные модели социальной и политической мобилизации. В России, в которой не было демократического опыта, подобные авторитарные идеи стали, по большей части, влиянием идей интернациональных, в том числе, реакцией части русской интеллигенции на европейские реалии.

Заключение (или оценка проекта)

Как можно оценить оригинальную по тем временам политико-социально-экономическую модель, заложенную Лениным?

Проблема модернизации государств и модернизации в ходе революции стала серьезно разрабатываться в западном обществе в 50–60-е гг. XX в. [15, с. 201–202]. Основу научной разработки модернизационной теории в послевоенные десятилетия заложили Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Ростоу, а в 1960–70-х проблеме модернизации в революции уделяли внимание все или почти все исследователи теории революции (из самых влиятельных сегодня авторов и концепций отметим рабо-

ты Самюэля Хантингтона (1968), Шмуэля Эйзенштадта (1978 г.), Теды Скокпол (1979 г.) [18; 21; 23]). И толчком к этим теоретическим изысканиям стала Русская революция и ее последствия и влияние.

Венцом этих исследований стала концепция о множественной модернизации, согласно которой западные образцы современности, хотя и являются историческими предшественниками и продолжают быть основным ориентиром, не являются единственными образцами и путями модернизации: 1) модернизация и вестернизация – это не идентичные процессы и понятия [19, с. 27]; 2) революции XX в. привели к модернизации обществ иных типов, нежели «западная модель» [16, с. 15, 31, 52–53, 57, 83, 223, 262, 374].

Таким образом, спустя полвека после Русской революции, были подтверждены (и нашли научное обоснование) те концепты, которые выдвинул и заложил в основу развития России Ленин.

Великая французская революция выступала шаблоном для революций XIX в. и начала XX в., но после Русской революции 1905–1922 гг.³ именно последняя стала новым образцом. Во-первых, это было связано с тем, что страны, в которых еще не произошли революции, были сильно далеки в своем развитии от западных образцов. Во-вторых, Русская революция была более современной с технологической и технической точек зрения. Но главное – Русская история утвердительно ответила на вопрос о возможности направленной и форсированной социально-экономической модернизации в результате революции, что дало иной путь модернизации, который стал более приемлемым для стран Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии.

Статья поступила в редакцию 16.03.2020

¹ Там же. С. 249.

² Там же. С. 258.

³ Авторская датировка, как и авторское возрождение термина «Русская революция» (русская, а не принятое в советской историографии наименование – российская).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишнеvский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: ВШЭ, 2010. 430 с.
2. Грациози А. Война и революция в Европе 1905–1956. М.: РОССПЭН, 2005. 288 с.
3. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003. 256 с.
4. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. М.: Госполитиздат, 1948. 736 с.
5. Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А. Царство Антихриста. Мюнхен: Дрей Маскен Верлаг, 1922. 268 с.
6. Парето В. Трансформация демократии / Пер. с итальянского. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
7. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в пяти томах. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. 848 с.
8. Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. 998 с.
9. Троцкий Л. Д. История русской революции. В 2-х т. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. Т. 1: Февральская революция. М.: Терра, 1997. 464 с.
10. Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 / Пер. с нем. М.: ВЛАДОС, 1999. 368 с.
11. Хиггс Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства / Пер. с англ. Б. С. Пинскера, под ред. А. В. Куряева. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 500 с.
12. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
13. Шульц Э. Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
14. Шульц Э. Э. Теория революции: Маркс и марксизм // Приволжский научный вестник. 2014. № 2 (30). С. 188–194.
15. Шульц Э. Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
16. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
17. Dunn J. Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge: Cambridge University Press. 1972. 350 p.
18. Eisenstadt S. Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations. N. Y.: Free Press, 1978. 348 p.
19. Eisenstadt S. Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations / Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. BRILL, 2002. P. 27–41.
20. Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge University Press, 2004. 376 p.
21. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, London: Yale University Press, 1968. 488 p.
22. Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928–1985. RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988. 102 p.
23. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.

REFERENCES

1. Vishnevskii A. *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and rouble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow, VShE Publ., 2010. 430 p.
2. Graziosi A. *Voyna i revolyutsiya v Evrope, 1905–1956* [War and revolution in Europe, 1905–1956]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 288 p.
3. Gregory P. *Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX veka. Novue podsчеты I otsenki* [Economic growth of the Russian Empire (late XIX – the beginning of XX century). New calculations and evaluation]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 256 p.
4. Lyashchenko P. *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR. T. II. Kapitalizm* [History of the national economy of the USSR. T. II. Capitalism]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948. 736 p.

5. Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D., Zlobin V. *Tsarstvo Antikhrista* [The Kingdom Of The Antichrist]. Munich, Drei Masken Publ., 1922. 268 p.
6. Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [The transformation of democracy]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2011. 208 p.
7. Plekhanov G. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v pyati tomakh. T 1* [Selected philosophical works in five volumes. Vol. 1]. Moscow, Gospolitizdat, 1956. 848 p.
8. Stepun F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 998 p.
9. Trotskii L. *Istoriya russkoi revolyutsii. V 2 t. / Obshch. red. i vstup. st. N. Vasetskogo. T. 1: Fevral'skaya revolyutsiya* [The history of the Russian revolution in 2 vols. General. ed. and introd. article N. Of vasetsky. Vol. 1: the February revolution]. Moscow, Terra Publ., 1997. 464 p.
10. Fisher V. *Evropa: ekonomika, obshchestvo i gosudarstvo, 1914–1980* [Europe: economy, society and the state, 1914–1980]. Moscow, VLADOS Publ., 1999. 368 p.
11. Higgs P. *Krizis i Leviatan: Povоротные моменты роста американского правитель'stva* [Crisis and Leviathan: critical junctures, the growth of American government]. Moscow, IRISSEN, Mysl' Publ., 2010. 500 p.
12. Hobsbawm E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nation and nationalism since 1780 /Per. from English]. St-Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 306 p.
13. Shults E. *Velikaya russkaya revolyutsiya (1905–1922 gg.): Prichiny. Posledstviya. Tekhnologii. Sobytiya i lyudi* [The great Russian revolution (1905–1922 gg.): Reasons. Consequences. Technology. Events and people]. Moscow, LENAND Publ., 2019. 400 p.
14. Shults E. [Theory of revolution: Marx and Marxism]. In: *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, 2014, no. 2 (30), pp. 188–194.
15. Shults E. *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [Theory of revolution: revolution and modern civilization]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 400 p.
16. Eisenstadt S. *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [Revolution and transformation of societies. A comparative study of civilizations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 416 p.
17. Dunn J. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge, Cambridge University Press. 1972. 350 p.
18. Eisenstadt S. *Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations*. N. Y., Free Press, 1978. 348 p.
19. Eisenstadt S. Some Observations on Multiple Modernities. In: Sachsenmaier D., Eisenstadt S., Riedel J., eds. *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. BRILL, 2002, pp. 27–41.
20. Gregory P. R. *Russian National Income, 1885–1913*. Cambridge University Press, 2004. 376 p.
21. Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, London, Yale University Press, 1968. 488 p.
22. Ofer G. *Soviet Economic Growth: 1928–1985*. RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988. 102 p.
23. Skocpol T. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge University Press, 1979. 407 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: nuap1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard E. Shults – PhD in Historical sciences, associate professor at the Department of Middle Ages and Modern Times Russian History, Moscow Regional State University;
e-mail: nuap1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шульц Э. Э. Ленин и характерные особенности Русской революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 24–34.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-24-34

FOR CITATION

Shults E. Lenin and characteristic features of the Russian Revolution. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 24–34.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-24-34